

Губы Стивена Ли начали непроизвольно дрожать, не от страха, а от гнева.

— Стивен, давно не виделись, — начал Цинь Мянью, здороваясь с ним с вежливой улыбкой, словно они встретились не в комнате для свиданий в тюрьме, а за кулисами спортзала, где он всё ещё был уважаемым легендарным матчмейкером TAS в смешанных единоборствах.

Стивен Ли, опираясь на край стола, медленно опустился на деревянный стул.

— Как привыкаешь? — спросил Цинь Мянью.

Стивен Ли усмехнулся и парировал:

— Как тут привыкнешь?

— Постарайся, — продолжил Цинь Мянью с улыбкой, — всё равно тебя скоро казнят.

Услышав слово «казнь», сердце Стивена Ли забилось чаще, пальцы онемели, а вскоре пот покрыл его лоб. Казнь, казнь... Нет, силы Синьти успеют вытащить его отсюда до этого!

Он сжал дрожащие пальцы в кулак, поднял голову и уставился на Цинь Мянью, глаза напряглись до боли:

— Зачем ты пришёл?

— Где ты закопал тело дяди Хэ? — спросил Цинь Мянью.

Стивен Ли на мгновение замер, его руки перестали дрожать. Стиснув зубы, он наклонился вперёд, стараясь приблизиться к стеклянной перегородке:

— Скажи Хэ Линьнаню, что я скормил его отца бродячим собакам!

Цинь Мянью не выглядел удивлённым, как ожидал Стивен Ли. Он лишь опустил взгляд, взял со стола несколько распечатанных фотографий и показал их Стивену.

На фото был его сын Дэвид в красной кепке с надписью «Красный Крест», раздающий еду в антисанитарных условиях трущоб.

Цинь Мянью сказал:

— В районе, где Дэвид работает волонтером, часто происходят перестрелки между бандами...

Стивен Ли понял, что Цинь Мянью не договорил: в таких местах, даже если Дэвид погибнет, его смерть, скорее всего, спишут на жертву бандитских разборок. Цинь Мянью угрожал жизнью Дэвида.

Но, как ни странно, Стивен Ли обнаружил, что внутри у него нет никаких эмоций. Ему было важно, восхищается ли им Дэвид, видит ли он в нём, как жена, божество. Теперь, когда он оказался в таком положении, Дэвид, конечно, тоже видит в нём убийцу, торговца людьми и наркотиками. Такой Дэвид, жив он или мёртв, ему было всё равно.

Стивен Ли засмеялся, пристально глядя на Цинь Мянью:

— Прости, чемпион, но причинить боль Хэ Линьнаню для меня важнее, чем жизнь моего сына.

Цинь Мянью снова опустил взгляд, разбирая принесённые документы. Через мгновение он поднял ещё одну фотографию, на которой взрослый держал за руку ребёнка.

Взрослого на фото Стивен Ли не узнал, но ребёнка он опознал сразу: это был маленький Чжу Лани.

Цинь Мянью сказал:

— Я связался с родственниками Чжу Лани, которые ещё живы. Вот этот человек, его дядя, он забрал тело Чжу Лани.

— Тело?

Сначала задрожал каркас в груди, затем плечи, закованные в наручники руки.

— Бряк!

Наручники ударились о металлическую окантовку стола. Стивен Ли начал нервно стучать по столу:

— Чжу Лани мёртв?

Цинь Мянью спокойно продолжил:

— Кроме того, У Шуню позвонил младший брат с наблюдательной вышки. Он сказал ему по телефону: «Чжу Лани мёртв».

— Защищал тебя, чтобы порадовать его. Теперь ты не нужен.

Стивен Ли широко раскрыл глаза, на несколько секунд замер, наконец поняв, почему У Шунь хотел его убить. Чжу Лани умер, и У Шунь защищал его, чтобы порадовать Чжу Лани.

Ха, снова чувства. Почему они не понимают, что чувства, самая дешёвая вещь на свете!

— Подтверди ещё раз, — снова сказал Цинь Мянью. — Ты скормил тело дяди Хэ собакам, верно?

Холод пробежал по спине, сильнее, чем слово «казнь», страшнее, чем «Дэвид Ли».

В Синьти все верят в религию, и Стивен Ли не исключение. В их религии считается, что если тело человека после смерти будет растерзано собаками, его душа навсегда исчезнет.

Он думал, что не верит в это, но в этот момент понял, что верил всё это время. Он перестал стучать по столу, просто обмяк в жёстком кресле, только наручники тихо звякали от дрожи его тела.

В комнате для свиданий долго царила тишина. Стивен Ли закрыл глаза:

— Театр на Третьей улице, 1000.

Это был театр, где он когда-то зарабатывал на жизнь игрой на барабанах. Он купил его и превратил в заброшенный дом. А потом закопал во дворе театра всё, что ненавидел: барабаны, на которых играл в детстве, и тело Хэ Жуньяо.

Цинь Мянью опустил голову, начал собирать фотографии со стола, сложил их стопкой, взял солнцезащитные очки с воротника и уже собирался надеть их, но вдруг поднял взгляд:

— Стивен, могу я тебе кое-что напомнить?

Стивен Ли уставился на Цинь Мянью.

— Ты не заметил, что больше всего тебя волнует не Дэвид Ли, а Чжу Лани?

Стивен Ли стиснул зубы.

Цинь Мянью бросил взгляд на железные прутья за стеклом и с недоумением произнёс:

— Но ты сам его убил.

Стивен Ли почувствовал, как задние зубы онемели, изнутри донёсся звук треска, и что-то

твёрдое, как камень, застряло у него на языке. Он замер, выплюнул это на ладонь и увидел, что это был обломок его зуба.

Через неделю Стивен Ли попытался перерезать себе горло острым углом металлического шкафа в камере, но дежурный охранник вовремя заметил это и сделал операцию.

Гортань была перерезана, и до дня казни Стивен Ли не мог говорить, только издавал хриплые звуки, как Муса.

Цинь Мянью отправился с Хэ Линьнанем в Синьти, выкопал останки Хэ Жунъяо во дворе театра, который указал Стивен Ли, и вернул их в Пограничный город, где похоронил рядом с Цицигэ.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191027>